

ж. д. башня и мост Хулагу в Марагу и т. д. Легенда помещает клад с сокровищами Великого Хана на одном из островов Урмийского озера. Многое можно было бы еще сказать, оставаясь в области этих исторических сближений и реминисценций, если обратиться например к вопросу об айсорах, осколках тех несториан, которые в монгольскую эпоху развили в Монгольской державе поразительную миссионерскую деятельность. В *Н а ч е р т а н и* и не раз говорится о той или иной ханше, что она была христианкой-несторианкой. В последнюю войну потомки несториан, айсоры, гл. обр. горские, из Санджака Хақкяри, во главе с своим Патриархом Мар-Шимуном, были на нашей стороне. Соглашение 1916 года, отдававшее России Армению и Курдистан, было в евразийском аспекте как бы повторением завоеваний Хулагу в этих же местах. Есть мелкие бытовые черточки, которые носят в себе какой-то глубокий смысл. Монголы Хулагу осаждали город Эрбиль (от которого был в каких нибудь двух переходах ген. А. Г. Рыбальченко в 1916 г., находившийся в Равандузе и имевший справа от себя забайкальцев ген. В. А. Левандовского); многие монгольские всадники имели у острия своих пик привешенные крестики; они были несторианами. При взятии Багдада дома несторианского духовенства, «аркауи»-ов избежали «потока и разграбления». Я не мог не вспомнить об этом, так сказать «от противного», рассматривая искусно вышитые цветной шерстью крестики, помещенные у горцев-несториан на их сандалиях, «решик»-ах.

Помимо подтверждения жизненным материалом правильности евразийских построений *Н а ч е р т а н и* я, нам хотелось этими строками напомнить, что было бы позором и ничем не оправдываемым безразличием к памяти павших, если бы одна из самых блестящих по своему историософическому значению страниц нашей военной истории в Азии осталась не написанной.

Когда говорят, — а это бывает так редко, — о «второстепенном» персидском театре, причем речь идет всегда о Кермачшахском (ген. Н. Н. Баратова) направлении, то охотно впадают в мелодекламацию нашего лжеевропеизма с неизбежным упоминанием Александра Македонского, по следам которого... и т. д. Нужно отказаться от этих фальшиво звучащих перепевов. Кампания в Персии должна и может вызывать в нашей памяти не македонские фаланги, шедшие с Запада на Восток и ничем не связанные с евразийскими волевыми и пространственными началами, а всадников-монголов Хулагу. Ярким повторением в широком историческом масштабе считаем мы движение этнически сродных масс по воле — тогда монгольского великого хана, теперь — русского белого царя, Цаган-Хакана. И тогда, и теперь испили евразийские кони тигровой струи.

26.9.1927. Париж.

В. П. Никитин

В ЗАЩИТУ АНАЛОГИИ

Наука о государстве, обществе, человечестве — в общем социология — должна быть отнесена к наукам биологическим, к наукам о живом, об организме. К ним же принадлежит и история, поскольку понимать ее надо шире простого хронологического констатирования. В ряду наук о существе социальном истории принадлежит думается то же место, что медицине в ряду наук о существе биологическом (в узком общеупотребительном смысле этого слова). Отыскание закономерности процесса — задача обеих параллельных наук; в этом отличие прагматической истории от простого летописания и экспериментальной медицины от знахарства.

Методология обеих наук разработана в наше время довольно подробно. Остановлюсь сейчас на одном частном только методе, методе затасканном и опоганенном — но тем не менее первостепенной важности — на аналогии.

Конечно, аналогия — вещь опасная. Кому я думаю не набили оскомины сравнения русской и французской революций. Мне в начале революции пришлось где то вычитать такую аналогию: Робеспьер-Ленин, Дантон — Троцкий, Марат — Луначарский. Некоторая правда имеется конечно и в такой аналогии — если разделить например Робеспьера между Лениным, Сталиным Дзержинским, то фигура получится довольно полная: Дантон и Троцкий — тоже пожалуй аналогия, имеющая некоторый смысл — в те времена даже предсказательский (неудавшийся бонапартизм); ну а Марат — и Луначарский — это пожалуй, как говорят, только для рифмы. Да не в этом дело; не о такой внешней, дешевой аналогии речь.

Когда обычно возражают против применения метода аналогии в сравнении русской и французской революций, говорят: «да тут обстановка совсем иная, события совсем другие, а вы сравниваете». — «Там, говорят, политическая — а тут социальная; — а потом там Франция, а здесь Россия — как же можно сравнивать».

Тут то и заложено всё непонимание сущности аналогии. Ведь не в обстановке, не в событиях, не в индивидуальности организмов дело — дело не в форме выражения, а в качестве сущности. Врач одинаково определяет сыпной тиф и у негра и у финна и у 40,5 температурного и у 38,4 градусного, и у лежащего в госпитале и у сидящего на пероне вокзала, и у старика и у мальчика. Не их индивидуальность он определяет, ни чем болезнь кончится, ни что было до этого — а какой процесс и в какой стадии.

Последовательность стадий закономерна. После заболевания идет нарастание болезни, кризис, а потом выздоровление; ни в обратном порядке ни в перемешку не бывает. Форма выражения стадий и их сравнительная длина — величины конечно переменные — весь смысл закономерности в органической последовательности этих стадий.

Дешевая аналогия действует сравнением фактов и имен. — Настоящая, необходимая — сравнением стадий.

Не сравнением Казалеса и Пуришкевича, Барнава и Милюкова, жирондистов и левых эсэров, Ленина и Робеспьера — провидятся факты будущего, — а диагнозом стадии.

А стадия уже выражается довольно четко как стадия выздоровления. Заболевание, идущее от середины прошлого века и достигшее апогея в кризисе 1916-1919 годов уже в прошлом. Сейчас — начало выздоровления, накопления новых сил — путь к расцвету.

Линия русской истории стала вновь подыматься. Произошла историческая вулканизация, перемещение и очищение умершего, обновление организма. Впереди период расцвета и величия.

По французски это называлось бонапартизмом. По русски мы хотим назвать это евразийством. По качеству между этими двумя понятиями общего мало (так же как между Россией и Францией вообще) — это всего лишь аналогичные этапы революционного процесса.

И потому мимо попадут возражения: «какой же бонапартизм без Бонапарта», — а «фигуры то и не видно», и тому подобные.

Не в Бонапарте дело, а в идеологии новых, сильных людей, переживших и понявших смысл революции.

В конце концов всегда наступает момент, когда революция начинает сознательно пониматься массами, когда смысл ее оценивается даже обывателем. Трудней всего это делается в эмиграции. А потому хорошими врачами определил бы я Жозефа де Местра и наших первых евразийских идеологов, ибо то, что сейчас очевидно каждому, тогда еще и не мерещилось. Именно врачами, а не предсказателями, ибо течение болезни было неизбежно, важно было только уловить стадию.

Владислав Иванов.